ской истории в пределах «дома Петрова» приходятся на царствование женщин, а не мужчин: Екатерины I и Елизаветы, а не Петра II и Петра III. Отсюда его замечательные строфы о женском правлении на Руси и его значении для русского народа (строфы 2—5).

В них естественным образом Елизавета занимает центральное место, не только по расположению фигур, но и по существу. Для Екатерин I и II отмечено лишь по одному факту, к тому же, в сущности, весьма далекому от той глубоко внутренней «умеренности», о которой он говорит: Екатерине I он вменяет в заслугу находчивый «счастливый совет», которым она во время «умягчает» «военно сердце», в Екатерине II он высоко ценит «ослабу», которую своим «духом благородным» она дала природным русским людям. Ясно, что его идеал — не находчивая Екатерина I и не «благородная» Екатерина II, а «кроткая» Елизавета, умевшая, однако, сочетать с «царством мирным» «в войнах.. славу». Но при этом он, очевидным образом, предвещает новой Екатерине синтез заслуг старой Екатерины и недавней Елизаветы. Впрочем, автор делает вывод из своих наблюдений не только в будущее, а и в живую современность. Дело в том, что он с очевидною и определенной целью в основных образах рисует картину, «счастия, ...данного» «кроткими» «богинями» - императрицами «природным российским истинным сынам», которые со своей стороны «навыкли» «кротости» своих владычиц-«богинь» и «вникли» «в счастие, ими данно», а «навыкнув» одному и «вникнув» в другое, естественно «судьбину тщились отвратить», но сделали это очень благодушно, с тою «умеренностью», к которой их приучил «кроткий» режим их дарующих «счастие» повелительниц-«богинь».

Здесь два оправдания происшедшего переворота — во-первых, в его «умеренности», во-вторых, в естественном для «природных российских истинных сынов» стремлении удержать отнимаемое у них «счастие». Итак, самый переворот оправдан полностью.

Что же касается совершившей этот переворот молодой императрицы, то чрезвычайно важно, что Ломоносов особо отметил еще в 1 строфе две черты начинающегося царствования, как он его себе рисовал, синтезируя в нем характерные для своего понимания русской жизни XVIII в. черты правления Екатерины I и Елизаветы: